

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

БУМАЖНЫЙ ГРААЛЬ

ВСЕ КОЛОКОЛА ЗЕМЛИ

FAN|ZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б70

James Blaylock
THE PAPER GRAIL
Copyright © 1991 by James P. Blaylock
ALL THE BELLS ON EARTH
Copyright © 1995 by James P. Blaylock

Публикуется с разрешения автора при участии его литературных агентов, Zeno Agency Limited (Великобритания) и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Школа перевода
В. Баканова

Перевод Марины Стрепетовой («Бумажный Грааль»)
и Лидии Галушкиной («Все колокола земли»)
Дизайн и иллюстрация *Елены Куликовой*

Блэйлок, Джеймс.

Б70 Бумажный Грааль; Все колокола земли / Джеймс Блэйлок ; [перевод с английского М. Стрепетовой, Л. Галушкиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 704 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-191584-1

Станный человек по имени Говард отправляется в странное путешествие в поисках некоего бумажного Грааля в странную страну Калифорнию... Слишком много суеты ради хитро сложенного клочка бумаги. Но если учесть, какое количество других странных людей ищут бумажный Грааль, он должен быть чем-то особенным. Чем-то волшебным...

А Уолт Стеббинс занимается продажей товаров по каталогу и даже не подозревает о присутствии сил тьмы. До того момента, пока по ошибке не получает посылку, в которой содержатся непривычные китайские игрушки. Например, исполняющая желания Синяя Птица Счастья. Но что придется отдать взамен за мечту?

Удивительный omnibus, включающий в себя два романа в жанре магического реализма, действие которых происходит в причудливой Калифорнии.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-191584-1

© М. Стрепетова, перевод на русский язык, 2024
© Л. Галушкина, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

БУМАЖНЫЙ ГРААЛЬ

*Посвящается Вики,
а также Тому и Венге Стрефф
за дружбу, еду, философию и за будущее
и в память о Рое Сквайерсе*

...и гармония нарушена, нарушена во всем мире: какие-то ее частички, конечно, еще остались, и прошлое иногда возвращается, однако месяц за месяцем темнота поглощает дневной свет...

Джон Рёскин

...постичь душу предмета с помощью силлогизма также невозможно, как поймать Левиафана на крючок.

Г. К. Честертон

Тело его — идеальный шар,
И носит он прелестную шляпу.

Эдвард Лир

Глава 1

В его сне на фоне голубого неба прорисовывалось не слово и не фраза; прорисовывались пять белых облаков. Не было никакого самолета с дымовым следом, лишь медленно проявляющиеся облака на четком расстоянии друг от друга, словно созвездие, мерцающее все ярче в вечерних сумерках. На этот раз к ним прибавился далекий шум океана, гулкий и ритмичный. Говард поначалу принял его за звук перемены времен года, напоминающий поворот мельничного колеса. Во сне он знал, что сейчас осень. Облака на небе всегда выстраивались одинаково и означали одно и то же, а сезоны продолжали по очереди сменять друг друга.

Говард зашел на каменную мельницу и остановился перед камином. В спину ударил холодный порыв ветра с океана. От огня не было никакого жара, поэтому он пошевелил угли палкой, которая вдруг оказалась у него в руке. Говард даже не сильно удивился, когда из палки вылезли зеленые ростки и моментально обвили его ладонь.

Огонь, затрещав, выбросил несколько красных угольков на пол. Говард понимал, что это сон и что через пару секунд он опустится на колени, обожжет ногу горячими углями и почувствует боль, несмотря на то, что все это ему снится и огонь уже затухает. А затем он коснется прозрачной жидкости, сочащейся из места ожога, и вкус у нее будет наподобие древесного сока, с запахом сосны. Среди пяти облаков появится послание, из которого Говард узнает

свою судьбу; но, когда он выходит наружу, перед ним уже не мельница, а каменный дом у обрыва, где внизу океан бьется о скалы, а наверху небо наливается мраком от предстоящего дождя.

В этот раз он проснулся под звук волн, разбивающихся о берег у мыса Пойнт-Рейес. Рассвет только занимался. Ночевал Говард в своем доме на колесах, припаркованном на пляже Стинсон, всего в нескольких милях от лагеря для автотуристов близ горы Тамалпаис, откуда он выехал вчерашним утром. Сон уже понемногу забывался. Как обычно, Говард не мог вспомнить, почему это сновидение, от которого теперь оставались лишь призрачные намеки на тревогу и ужас, казалось ему невероятно важным. И еще его переполняла странная уверенность в том, что те самые облака вовсе не были настоящими облаками, — это чья-то невидимая рука нарисовала их в небе поверх сновидения Говарда.

Из Пойнт-Рейес он выехал на север, позавтракал в Инвернессе, а остаток полузамороженных анчоусов использовал для рыбалки в большой приливной заводи к северу от города. Над головой кружили чайки, а Говард размышлял о своей работе в маленьком пыльном музее на юге Калифорнии. Помощник куратора, на север он приехал специально, за одним-единственным предметом искусства — японской ксилографией девятнадцатого века, предположительно руки Хокусая.

Рисунок, насколько он помнил, порядком выцвел, а на месте сгибов остались заметные следы — какой-то идиот, видимо, пытался сделать из него оригами. Почти пятнадцать лет назад Говард провел дождливые выходные в доме у обрыва, построенном стариком по имени Майкл Грэм, владельцем ксилографии. Грэм прятал рисунок в замысловатой коробке за камнями очага, хотя в той же комнате на видном месте висели куда более ценные работы.

Кухина Говарда Сильвия тоже была там. Это она догадалась, что из картины на рисовой бумаге много раз пытались сложить разные фигуры. Интересно, спрашивала она, получится ли проследить по сгибам, словно по карте, какую именно форму принимала бумага? После снов о мельничном колесе и очаге Говарду частенько, особенно в последнее время, приходила в голову мысль, что сравнение с картой подходит как нельзя лучше.

Под зеркалом заднего вида висело оригами в форме лилии, выгоревшей до цвета слоновой кости. Пыльный цветок давно обтрепался, однако протирать или пересобирать его Говард не спешил — вдруг развалится. Молодой романтик, он подарил лилию Сильвии в ту ночь, когда они решили не заниматься любовью; а наутро получил от нее оригами-цветок, сложенный из бумаги, сырьем для которой послужили лен и листья.

Тогда им было всего по двадцать лет. Говард с Сильвией, двоюродные брат и сестра, практически выросли вместе, а это означало, что романтические отношения между ними затруднительны или вовсе под запретом. На третьем курсе университета Сильвия сказала, что переезжает к родителям на север, в Форт-Брэгг, и Говард, вопреки собственным желаниям, отпустил ее без лишних препирательств.

Месяц назад он нашел бумажную лилию в коробке с кучей старых памятных вещиц из универа и повесил цветок в кабине автодома. Оригами стало своего рода катализатором, все больше напоминая о Сильвии и разжигаящим в нем стремление наконец-то ее навестить. Как только доберется до Форт-Брэгга, сегодня или завтра, надо будет снять цветок, иначе Сильвия заметит и неверно истолкует его намерения. Или вдруг поймет их как надо. Как знать, что они оба почувствуют спустя все эти годы?

Обо всем этом он размышлял, сидя с удочкой у водоема под Инвернессом. То ли рыба здесь не водилась, то ли рыбак из него был никудышный. На груди валунов уселся пеликан и стал наблюдать за Говардом. Говард поздоровался, а птица, щелкая клювом, склонила голову набок и уставилась на остатки анчоусов. Одну за другой он скормил рыбешек пеликану и наконец предъявил ему пустую упаковку. Птица все равно не спешила улетать и по-прежнему глядела на него, пока Говард не смотал леску и не пошел по каменистой тропе обратно к трассе, где на обочине стоял его фургон. Пеликан взлетел, направился на север вдоль берега, вскоре исчез за поросшими травой обрывами и снова появился над океаном, скользя прямо над волнами, а Говард гнал свой автодом, то ускоряясь, то резко притормаживая, чтобы не упускать птицу из вида. Одновременно с этим он пытался вспомнить, считаются ли морские птицы хорошей или плохой приметой.

В Форт-Брэгге его ждали только к завтрашнему дню, однако Говард был способен и сегодня осилить еще несколько часов пути, заехать по дороге к Грэму, чтобы сразу решить все рабочие дела, а затем поспешить к дяде Рою, где его ждало продолжение отпуска. В голове рассеянно крутились мысли о Сильвии. Она по-прежнему живет с родителями? Встречается ли с тем парнем, за которого чуть не вышла замуж? У него еще было какое-то звериное прозвище: то ли Скунс, то ли Куница... Хорек! О предстоящей свадьбе Говард узнал от матери и пытался убедить себя в том, что счастлив за Сильвию и ничуть на нее не в обиде. Какие обиды после стольких-то лет?! Правда, когда стало известно, что свадьба не состоялась, Говард обрадовался.

Шоссе номер один представляло собой узкую скалистую дорогу между городами Пойнт-Арена и Элк, на которой трудно развезаться двум автомобилям. На поворотах Говард сбрасывал скорость и с надеждой высматривал пеликана, хотя птица уже часа два как пропала из вида. Ягодные кустарники, облепившие шаткие заборчики на склоне горы, выбрасывали свои спутанные лозы прямо на асфальт. Наверху вся растительность была сплошь сухой и коричневой, не считая зеленых пятен кипарисов, сосен и эвкалиптов. На сотни футов вниз уходили практически отвесные каменные склоны, скрытые поднимавшимся от берега туманом.

Со стороны океана вдоль дороги мелькали почтовые ящики, отмечавшие въезд к отдельно стоящим домикам на утесах. Говард с беспокойством высматривал дом Грэма, сопоставляя ориентиры на трассе со значками на карте, нарисованной карандашом от руки. Это место он неплохо помнил с тех пор, как приезжал сюда пожить много лет назад, а еще отчетливее проступали воспоминания из снов, в которых дом Грэма и старая каменная мельница, по сути, представляли собой единое целое — таковы уж причудливые законы архитектуры в сновидениях.

Слишком поздно заметив нужный столбик с почтовым ящиком и заросшую сорняками дорожку, Говард проехал мимо. Трасса тут же стала извилистой и пошла на подъем, не развернешься. Как ни странно, Говард совсем не расстроился. Наоборот, ощутил какое-то облегчение, ведь этот дом вселял в него неясное предчувствие беды, точно запах грозы, витающий в духоте спокойного вечера.

Однако скорость он все-таки сбросил и, свернув с шоссе на Альбион-Ридж-роуд, остановился у небольшого продуктового магазина, перед которым торчали две старые ржавые бензоколонки. Далеко внизу у подножия горы, уходя в сторону от океана, текла извилистая река Альбион — порядком пересохшая и превратившаяся в вялый поток грязноватой воды. На берегу расположился почти опустевший лагерь для автотуристов; грунтовая дорога тянулась к нему из-под моста и дальше к безлюдному пляжу, усеянному водорослями и корягами. В это время года здесь можно набрать много ракушек — первые большие волны с севера прочесывают дно океана и выкидывают их вместе с давно затонувшими обломками прямо на каменистый пляж.

А что, если переночевать в лагере? Заезжать к Грэму все равно уже поздно. Старик может и не открыть дверь незнакомцу на трейлере, появившемуся из тумана и темноты. Надо бы позвонить ему и договориться заранее — допустим, на завтрашний полдень. Говард был покрыт грязью и солью, от одежды пахло рыбной наживкой... Завтра утром он найдет в Мендосино прачечную самообслуживания, а затем поедет обратно — до Грэма оттуда десять миль. Вроде бы хороший и разумный план, только Говард и сам прекрасно понимал, что избегает встречи, а все северное побережье, будто сговорившись с магнитными полюсами, одновременно притягивает его и отталкивает.

Витрину магазинчика — точнее, деревенской лавки — украшали старые занавески из нитей и бусин, покрытые пылью и паутиной с мертвыми мухами. Ассортимент вредной еды на стойке у кассы не порадовал, одни только пирожные с заменителем шоколада и липкие на вид злаковые батончики с фруктовым соком вместо сахара. Ну и кое-какая натуральная продукция, наверняка от местной фермы «Санберри». Выглядит и правда как что-то органическое, особенно шоколадное пирожное — на вид будто ком земли.

Бисквитов «Твинки» не было, поэтому Говард взял жвачку и одно пирожное, положил все на прилавок. Бензин его старенький «шеви-шайен» пил охотно, как шампанское, и стоило это удовольствие почти полтора доллара за галлон. Продавец стоял возле трейлера Говарда и болтал о чем-то с мужчиной; тот, поставив

ящик для рыболовных снастей на землю, широко развел руки в стороны. Судя по всему, обсуждали рыбалку. Здесь никто никуда не спешил, и Говард это вполне устраивало. Впервые за долгие месяцы, а то и годы он был доволен обстановкой, с блаженством впитывал уединение и звуки моря.

Просмотрев стопку открыток и оконных наклеек, он выбрал несколько штук с рекламой достопримечательностей северного побережья: дымящий «Поезд-Скунс», океанариум с обломками кораблей, Дом Винчестеров, гавань Нойо. И неважно, что практически ни в одном из этих мест он не побывал, просто хотелось обклеить ими окна в автодоме. Говард собрал уже два десятка таких наклеек, в том числе с изображениями Аризоны, Невады и Нью-Мексико. Места скоро уже не останется, и тогда придется наслаивать наклейки друг на друга, сначала задевая только края и углы, а потом целиком покрывая старые картинку новыми. Говард увлекся наклейками пару месяцев назад, и с тех пор их покупка превратилась в навязчивую идею; он стал верить в то, что что-то обязательно произойдет, как только удастся достичь некоего тайного наклеечного предела.

Обычно Говард не брал наклейки без туристической рекламы. Его не интересовали слоганы или политические заявления, в его коллекции не было систематичности. Такая банальность даже не стоит усилий, иначе пришлось бы отдиравать все это лезвием. Раньше Говард никогда не покупал много наклеек сразу. К чему спешить? Но здесь в воздухе витало нечто такое, что заставило его пойти наперекор собственным правилам, и в руках набралась уже целая пачка наклеек. На последней красовался смешной пеликан — Говард выбрал эту картинку в напоминание о птице, с которой он поделился анчоусами. Если в этом и был какой-то смысл, никто другой и не догадался бы.

Он не спеша шел по центральному ряду магазинчика, направляясь к стеллажам с рыболовными снастями и палками для горных лыж у дальней стены. Под товарами для рыбаков к пробковой доске канцелярской кнопкой была прикреплена выцветшая и потрепанная наклейка на бампер с рекламой какой-то местной достопримечательности. Такую наклейку легко прилепить на чужую машину, даже заметить не успеют. На ней была надпись малень-

кими буквами: «Посигналь, если увидел», а ниже более крупными: «Музей современных тайн». Рядом шел схематичный рисунок: призраки несутся сквозь лес, смутный силуэт машины, окутанный туманом. Говард снял наклейку с доски, тут же позабыв о кипе других картинок в руке.

От двери донесся шорох; Говард обернулся и увидел, как продавец скользнул за прилавок. Бросив нерешительный взгляд на пирожное, мужчина ткнул в него пальцем.

— Ваше? — спросил он, будто не веря собственным словам.

Говард кивнул и сразу об этом пожалел. Пирожное стоило почти доллар, а за доллар можно купить две наклейки.

— Это продается? — Говард поднял наклейку на бампер, которую открепил с доски.

— Да ей уже года два, — отозвался продавец, садясь на табурет. — Толку никакого, музей давно разорился.

Говард сначала и не понял, ответил ли мужчина на его вопрос, потом осознал, что все-таки нет.

— Не хотите ее продавать? — Лишь бы его голос не звучал слишком отчаянно. Продавец по-своему прав: назначить цену старой выцветшей бумажке — дельце не из легких.

— И у меня когда-то была своя наклейка с рекламой, — сказал мужчина, выделив интонацией слово «когда-то», и кивнул в сторону полки с наклейками.

— Теперь уже нет?

— Неа. Провалилась затея.

Говард широко раскрыл глаза от удивления — мол, как вообще мог разориться музей духов?

— Сейчас уже мало кто верит в призраков, — уклончиво произнес он, готовый поддержать продавца в его убеждениях и обвинить всех тех, кто верит во что-то другое и приносит одни неприятности.

— Люди вообще мало что знают о привидениях.

Продавец включил переносной телевизор, стоявший за прилавком. На экране появилось шоу, в котором шестеро членов одной семьи со смешными шляпами на голове танцевали в бешеном ритме перед стиральной и сушильной машинами с огромными ценниками.

Доносящиеся из телевизора звуки сбили весь настрой, и Говарду вдруг захотелось поскорее уйти. Он положил на прилавок пачку наклеек вместе с кредитной картой.

— Я бы и эту купил, — решил попытать он счастья, показывая на картинку для бампера.

— Бесплезная штука. — Продавец уставился на кредитку с таким видом, будто Говард подложил вместо нее нечто странное — бутерброд с ветчиной или фотографию Эйфелевой башни. Мужчина несколько раз прочитал указанное на карте имя, поглядывая на Говарда, затем проверил номер по специальной записной книжке — не значится ли в списке украденных. — Бартон... Вы случайно не родственник... — Он еще раз пристально посмотрел на лицо Говарда и широко улыбнулся. — Ну конечно!

— Да, он мой дядя, — ответил Говард. — По папиной линии.

Не стоило врать. Теперь за наклейку придется заплатить втридорога. Ведь это дядя Рой был владельцем того самого разорившегося Музея современных тайн. Сам Говард в музее не бывал, но дядина идея ему нравилась. И вот теперь, столько лет спустя, он наткнулся на богом забытую наклейку с рекламой музея. А продавец понял, что Говарду обязательно нужно ее купить. Он сидел на табурете и думал о том, сколько денег можно вытянуть за этот прямоугольник выгоревшей на солнце бумаги.

— Рой Бартон, — покачал головой мужчина. — Старый негодник. Да забирай эту хреновину просто так! К нему как раз едешь?

— Верно, — удивленно ответил Говард. — Вообще, я тут по делам.

— По делам Роя Бартона или по своим?

— По своим. С Роем мы уже много лет не виделись. Даже не в курсе, чем он сейчас занимается.

Продавец как-то странно на него посмотрел, словно дядя Рой занимался делами, о которых и говорить не стоило.

— Рой Бартон ведет дела со всем миром. Оно и неудивительно, если ваши пути не пересекались. Сам он себя называет «духовным дельцом». И вполне справедливо. Он поможет тебе воспрять духом.

— Надеюсь, — отозвался Говард. — Мне бы не помешало.

— Передай ему привет, хорошо? Скажи, что от Кэла. Он частенько сюда заглядывал, пока работал над музеем. Свободного

времени у него было много. Отсюда всего полмили. Здание, кстати, по-прежнему стоит, пустует. Бывал там?

— Все откладывал... А потом он обанкротился.

— Черт, жалко-то как! Рой Бартон тот еще тип. Он видел что-то такое в лесу... — Продавец усмехнулся и покачал головой, наверняка вспоминая какие-нибудь выходки Роя. — Проклятье, а ведь я ему поверил. Черт возьми, да как было не поверить? — Мужчина развернулся и достал из холодильника со стеклянной дверцей упаковку из шести банок пива «Курс». — Отвези-ка ему вот это. И скажи, что Кэл Далтон передает привет и спрашивает, когда Рой к нему заглянет. — Продавец протянул кредитку и пиво, Говард расписался на чеке за бензин и наклейки. Кэл пожал ему руку. — Дом будет справа, через три-четыре поворота. Гляди в оба, не то пропустишь.

Поблагодарив его, Говард вышел из магазина. На площадку для автотуристов опустился туман, отчего она казалась холодной и негостеприимной. Настроение немного поднялось благодаря владельцу заправки, который, несмотря ни на что, продолжает свое дело. Теперь Говард уже не чувствовал себя полным изгоем. Захотелось посмотреть на заброшенный музей духов. До заката оставалась еще пара часов.

Про музей он немало слышал от матери, изо всех сил старавшейся представить эту абсурдную затею как нечто разумное. Мать была решительно верна дяде Рою, ведь тот по-своему присматривал за ними после смерти отца Говарда. В последнее время Говард прислушивался к обрывкам семейных сплетен насчет прогоревшего музея, из-за которого дядя Рой оказался по уши в долгах. Самое обидное в том, что бедняга Рой действительно во все это верил, он верил в призраков. Несмотря на хитроумную рекламу в виде наклеек на бампер или окно, он не сомневался в том, что видел набитую духами в старомодных одеждах машину, мчавшуюся по трассе со стороны северного побережья. И ехали призраки на «студебекере».

Почему именно на «студебекере»? Из-за этой детали все и пошло прахом, из-за нее и обанкротился музей, как будто этот самый «студебекер» пробил на полном ходу его стену. Упоминание такого автомобиля не внушало доверия. Все равно что заявить,

будто привидения ехали на моноциклах, а на голове у них были жуткие парики. Скажи он, что видел самый банальный «форд» или «шеви», люди, может, еще и поверили бы.

Однако для дяди Роя музей призраков стал своего рода научным исследованием паранормального. И ему было все равно, на какой машине они передвигались. Это же привидения, они не следуют всеобщей моде! Люди смеялись над «студебекером», потому что он напоминал Тянитолка — одинакового с обеих сторон. Но если духам этот автомобиль пришелся по вкусу, то дядю Роя он тоже устраивал — и плевать на мнение общественности. Поэтому, когда музей закрылся, было в десятки раз обиднее, ведь дядя Рой искренне во все это верил.

Говард понял, что он не так уж голоден, и открыл бардачок, намереваясь выкинуть пирожное. Рядом лежало стеклянное пресс-папье, украшенное изнутри цветами и лентами, похожими на рождественские сладости. Он собирался подарить его Сильвии — она всегда любила красивые вещицы. Правда, стоила эта штукавина пару сотен долларов — не сочла бы она это показухой. Надо действовать тактичнее.

В полумиле к северу от Альбиона на шоссе будет разворот. Говард сбросил скорость и съехал на обочину, которая, расширяясь, вела к засыпанной гравием парковке — с дороги ее не было видно за деревьями. В дальнем углу стоянки под навесом из пихт и эвкалиптов вытянулось длинное, похожее на барак здание с заколоченными окнами, спереди огражденное забором из деревянных досок. На трех-четырёх досках были насажены бычьи черепа. Над крыльцом висела облупившаяся табличка с надписью «Музей современных тайн».

Он заглушил двигатель и какое-то время просто сидел в машине на краю парковки. Сквозь закрытые окна доносился лишь приглушенный шум разбивающихся волн. Так вот как выглядит это место! Говард знал, что музей, одинокий и пустой, стоит себе где-то неподалеку у трассы. Как ни странно, он ожидал большего, хотя и сам не мог понять, чего именно. Поначалу ему хотелось перелезть через забор и заглянуть внутрь, но все окна были забиты, и чем дольше он смотрел на здание, тем печальнее оно становилось. Может, в другой раз. Он планировал провести тут пару

недель — можно будет попросить дядю Роя свозить его сюда, если, конечно, тот не против и ключ от входной двери еще цел.

Говарду вспомнился рисунок Хокуся, что висел в доме Грэма, мимо которого он проехал. Пора бы на него взглянуть. К черту прачечную и звонки с предупреждениями. Он и так уже долго ждал. Почти два года назад Говард написал письмо, предлагая Грэму передать рисунок в музей Санта-Аны в качестве бессрочного залога, а потом списать сумму из налоговой задолженности. На основе этого рисунка Говард создал бы новый отдел искусства Востока.

Два года назад идея звучала свежо и увлекательно. Однако год спустя, так и не получив ответа, он практически позабыл о рисунке. И вот вдруг приходит письмо — с согласием на бессрочный залог. Только отправлять рисунок почтой Грэм не собирался, так что Говарду пришлось бы самому за ним ехать. После этого целый год Говард ничего не предпринимал. А месяц назад что-то изменилось — он случайно обнаружил оригами в виде лилии, а еще эти сны... И ощутил себя человеком, воспрявшим духом после долгого затишья.

Он решил поехать на север, причем неспешным извилистым маршрутом, по проселочным дорогам, малоизвестным пляжам и примитивным стоянкам для трейлеров. Дело предстояло серьезное — разобраться в собственной жизни. Навестить дядю Роя и тетю Эдит в Форт-Брэгте, сблизиться с Сильвией. На поездку уйдет месяц, прямо как в старые добрые времена. Его начальница, миссис Глисон, поначалу не хотела выделять такой продолжительный отпуск, но, увидев письмо от Грэма, дала добро. Дату на конверте Говард ловко прикрыл большим пальцем.

Окутанный туманом, автодом стоял под веткой дерева, с которой капало на крышу кабины. Морской ветер стучался в двери, и Говард завел машину, чтобы включить обогрев. А что толку сидеть здесь, пока двигатель работает на холостых? Говард выкатился к краю асфальтового покрытия, всматриваясь в белую завесу. Из-за поворота выплывал свет фар, хотя самого автомобиля не было видно — и даже непонятно, далеко ли он. Говард решил подождать, пока тот проедет.

Микроавтобус «фольксваген» он узнал по характерному дребезжащему реву двигателя еще до того, как тот показался из пеле-